

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СИБИРЬ.
ЛИТЕРАТУРА.
КРИТИКА.
ЖУРНАЛИСТИКА
ПАМЯТИ Ю.С. ПОСТНОВА**

Ответственный редактор
канд. филол. наук *Л.П. Якимова*

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СО РАН
2002

◆ ————— ◆

◆ ◆ ◆ ◆ ◆

Ф.З. КАНУНОВА

**ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕКАБРИСТОВ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО
И ЛИТЕРАТУРНОГО СОЗНАНИЯ СИБИРИ ***

Михаил Сергеевич Лунин — один из декабристов, активно изучавшихся в Сибири. Мы располагаем обстоятельными специальными исследованиями С.Б. Окуня, С.Я. Штрайха, С.Я. Гессена, Н.Я. Эйдельмана¹. Интересные и глубокие суждения о Лунине высказали М.В. Нечкина и М.К. Азадовский. Однако все они исследовали в основном общественно-политические и исторические воззрения замечательного декабриста. Связь деятельности Лунина с эстетикой и критикой романтиков-декабристов в Сибири, т.е. собственно эстетический потенциал его трудов, с одной стороны, и прямое воздействие Лунина в связи с этим на развитие общественного и литературного самосознания Сибири, с другой — эти проблемы практически остались вне поля зрения исследователей.

Разрабатываемая декабристами в Сибири теория романтизма была непосредственно связана с вопросами общественной деятельности человека в экстремальных условиях каторги и ссылки. Поставив перед личностью огромные общественные задачи, русские романтики 30-х гг. настойчиво решали вопросы о смысле и назначении человека, о мере его ответственности за происходящее, свободе и необходимости. Эти вопросы были центральными, как известно, для русских романтиков последекабристского периода, они горячо обсуждались в философских кружках Станкевича и Герцена, были важнейшими для Чаадаева и Лермонтова. Ими жили А. Бестужев, Кюхельбекер; это была главная проблема, смысл существования ссыльного М.С. Лунина.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 98-04-00043.

¹Окунь С.Б. Декабрист М.С. Лунин. Л., 1962; Штрайх С.Я. Лунин М.С. Сочинения и письма. Пб., 1923; Гессен С.Я., Коган М.С. Декабрист Лунин и его время. — Л., 1926; Эйдельман Н. Лунин. М., 1970.

Он — один из самых ярких представителей декабристского движения, человек необычайного мужества, оставшийся до конца дней своих верным делу 14 декабря 1825 г. Первый блестящий историк и теоретик декабризма, яркий писатель и публицист, по словам Пушкина, «человек поистине замечательный»². Лишенный всех прав состояния, этот в недалеком прошлом блестящий гвардейский офицер, личный адъютант великого князя Константина, узник ряда казематов, пожизненный ссыльный каторжник, затем вновь брошенный в страшную Акатуйскую тюрьму, Лунин ни на минуту не изменил тем нормам высокой гражданской честности, которые впитал с молоком матери. Таким он представлен в свидетельствах его товарищей — братьев Бестужевых, Н.В. Басаргина, А.Е. Розена, М.В. Волконской и др. Сам Лунин, уже подводя черту под первым периодом своей жизни, писал: «Заключенный в казематах, десять лет не переставал размышлять о выгодах родины»³.

Впрямую соприкасаясь с наиболее прогрессивными представителями русской общественной мысли 30-х гг., Лунин в высшей духовной деятельности видел основу проявления свободы в условиях политического террора и подавляющего личностный нравственный гнета. Он неоднократно заявлял, что в своей духовной, интеллектуальной деятельности воплотил преобразующую силу, свободную «от всякого времени над ней». «Единственное оружие мое — мысль», — скажет Лунин; он создаст одно за другим произведения, в которых не только раскроет изнутри историю и теорию декабризма, реабилитирует его высокую миссию, но наряду с этим совершенно сознательно продолжит борьбу. «В Сибири, — отмечал М.К. Азадовский, — Лунин оказался единственным, кто не прекратил своей политической деятельности»⁴. Своими произведениями замечательный декабрист стремился пробудить общественное самосознание, социальную активность общества.

Лунин не был литератором-теоретиком и литературным критиком в собственном смысле слова, как А.А. Бестужев-Марлинский и В.К. Кюхельбекер. Но, будучи широко образованным в вопросах литературы и искусства, истории, философии, социо-

² Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 5. В дальнейшем ссылки даются в тексте.

³ Звезда. — 1940. № 8—9. С. 261—266.

⁴ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 727.

логии, опираясь на богатейшие традиции передовой общественной мысли и искусства, он создал замечательные образцы декабристской прозы. Его произведения распространялись по Сибири, оказывали огромное воздействие, будили общественное самосознание. А сам он с Сибирью связывал высший взлет своего свободомыслия. «Настоящее житейское поприще началось для нас с вступления нашего в Сибирь, где мы призваны словом и делом служить делу, которому себя посвятили» (с. 168). Лунин именно с Сибирью связывал главный период своей политической биографии и своей борьбы. Это и на самом деле было так. Сделанное им в изгнании относится к лучшим произведениям русской прогрессивной (в значительной степени) бесцензурной мысли.

Глубоко симптоматично, что оторванные от Москвы и Петербурга, Лунин и его товарищи делали то же, только по-своему, что было характерно для передовых русских людей 30-х гг. «Лунинские мысли-поступки, — говорит Н.Я. Эйдельман, — обращение к тем же проблемам» (с. 313), хотя о прямом влиянии на Лунина Станкевича, Герцена, Белинского говорить невозможно. Вряд ли Лунин даже знал о десятой зашифрованной главе «Евгения Онегина», где Пушкин скажет о нем всем известные строки.

Нравственно-философской, теоретической основой деятельности декабриста, ее пафосом является главная, магистральная идея творчества — это идея внутренней свободы личности, ее мужественной, бесстрашной интеллектуальной оппозиции. Говоря об истоках нравственно-философской концепции человека у Бестужева и Кюхельбекера, необходимо указать на немецкую идеалистическую философию, в которой получает последовательное теоретическое обоснование проблема действия отдельного индивида. У Лунина были другие истоки, он другим путем приходит к утверждению этой мысли.

Следует указать на многогранный напряженный труд Лунина по самообразованию (он страстно изучал языки, философию, историю, литературу). В «Плане начальных занятий», составленном для сына Волконских — Михаила, он проявил себя знатоком мировой литературы, хорошим педагогом, ценившим прежде всего *систему* труда, понимавшим великое значение гуманитарного воспитания (история, философия, литература, изящные искусства). Лунин знал цену русской прогрессивной литературе: Ломоносов, Курбский, Фонвизин, М.Н. Муравьев,

Кантемир, Державин, по его мнению, должны стоять у истоков гражданского воспитания русского человека. Большое значение придает он французским просветителям. Так, для третьего периода воспитания он рекомендует «французских классиков, за исключением Вольтера (в отрывках) и Ж.Ж. Руссо (полностью)» (с. 150), «из английских — Локк, для чтения — Эджворт и др.» Уже из этого беглого перечня видно, что на первом плане для Лунина было гражданское и нравственное формирование человека, воспитание свободы нравственного чувства. С этой точки зрения трудно переоценить его интерес к творчеству Ж.Ж. Руссо. Лунин в целом отрицательно относился к французской материалистической традиции (к Гольбаху, Гельвецию и, как мы видим, скепсис в отношении к Вольтеру). В творчестве Ж.Ж. Руссо, в его трактатах и «Новой Элоизе», «Эмиле» и других произведениях, Лунина, как и многих передовых русских людей, мог привлечь пафос нравственного воспитания, глубокое обсуждение проблемы свободы и необходимости. Как известно, в своих трактатах («О происхождении неравенства» и др.), в «Новой Элоизе» и «Эмиле» Руссо ставит вопрос о сущности человека, о его исконно-генетических чертах, видя их в свободе нравственного чувства. Главная черта, отличающая человека от животных, по мнению Руссо, «не столько в умении мыслить, сколько в умении свободно выбирать»⁵.

Главное, что сближало М.С. Лунина с романтиками 30-х гг., заключалось в концепции «свободной деятельности», в концепции «противостояния», которая имела огромное общественное, нравственно-философское эстетическое значение в идейной жизни России.

Важнейшим источником и истоком нравственной философии Лунина явилась античная культура, античные литераторы и мыслители. В его многогранном напряженном труде по самообразованию обращает на себя внимание доминирующий интерес к античности. Здесь Лунин продолжал и развивал давнюю традицию гражданского романтизма. И.Д. Якушкин очень хорошо сказал: «Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие были у каждого из нас почти настольными книгами»⁶.

Глубокий интерес к традициям античной культуры обнаруживает связь Лунина с основами романтической эстетики

⁵ Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1984. Т. 2.

⁶ Записки И.Д. Якушкина. Изд. 7-е. 1925. С. 26.

30-х гг. — с проблемой личности, внутренней свободы и «действия в экстремальных условиях». Не будучи теоретиком романтизма, Лунин на практике воплощает идею нравственной свободы как определяющей основы свободы общественной. Главное для Лунина в античной истории и литературе — это нравственно-философская концепция личности. Наиболее характерная черта греческой культуры, по Лунину, — это глубокое знание о человеке, «предоставленному самому себе с его добродетелями и пороками, силой и слабостью, началом и концом пути... Перелистывая страницы греческой истории, мы повсюду более всего *видим личность*», — заключает Лунин (с. 156. Выделено мной. — Ф.К.).

Написанные Луниным в 1840—1841 гг. исторические этюды в основном посвящены деятелям античной истории. В первую очередь его интересовали оппозиционеры и борцы, посвятившие свою жизнь спасению рождавшейся свободы, которой со всех сторон угрожала «ярость противников». Такими поборниками свободы были Ликург, Писистрат, Фемистокл, Алкивиад. Интересно, что Лунина более всего волнует проблема *изгнания*. Все названные им герои античности были изгнанниками, остававшимися верными своим выстраданным идеям, патриотами, для которых интересы родины превыше всего; например, Ликург, добившийся от своих соотечественников клятвы «не менять его установлений» и этим самым обрекший себя на пожизненное изгнание. Таков, по мнению Лунина, Солон, законодатель, помогший своим десятилетним изгнанием спасти «рождающуюся свободу». Фемистокл, говорит Лунин, был изгнан после своей славной борьбы с Персидской империей «именно тогда, когда был занят укреплением благоденствия отчизны, но и в изгнании он имел личное влияние и умственное воздействие на Афины». В таком же духе характеризует Лунин Алкивиада, Фрасибула и некоторых других политических и общественных деятелей Древней Греции.

С особым восхищением писал Лунин об историках, философах, писателях, создавших в изгнании свои бессмертные творения (Ксенофонт, Фукидид), заслуживших «признательность и восхищение потомства».

Лунин, напряженно работавший в ссылке «умственно», интересовался *изгнанием* как одной из форм «противодействия». «Преследования, — говорит Лунин, — являются неизбежным условием провозглашения истины». Все приведенные им герои

античности «были опасны своими *идеями*, передовыми для их эпохи. Они отражали идеи своего времени и всегда находили резких оппонентов в тех, кто жил сиюминутными интересами» (с. 160). «Память об этих людях пережила бури веков не столько из-за их деяний, сколько из-за высказанных идей» (с. 161).

Нетрудно увидеть во всем этом автобиографический, личностный пафос. Иногда Лунин непосредственно перебрасывает мостик от раздумий об античности к своей жизни: «Последним желанием Фемистокла в изгнании было, чтоб перенесли смертные останки его в Отечество и предали родной земле. Последнее желание мое в пустынях Сибирских, чтоб мысли мои распространялись и развивались в уме соотечественников» (с. 165). В ссылке Лунин искал точки приложения своих сил. Так же, как отмеченные им герои, Лунин служил своей родине в изгнании, и формой этого служения явилось активное противостояние правительству. Он был страстным оппозиционером, стремившимся высказать очень важные, с его точки зрения, идеи, касающиеся судеб родины, русских людей. «В тяжелую пору объявления П.Я. Чаадаева сумасшедшим, когда был убит Пушкин, всякое выступление против самодержавия, — писала М.В. Нечкина, — приобретает особое значение. Произведений передовой печати в те годы было крайне мало. Молодой Герцен ушел в ссылку. Он успел написать только первую статью в «Телескопе». В.Г. Белинский вступил в тяжелую пору «примирения с действительностью». «М.С. Лунин выступал против самодержавия из сибирской ссылки, действуя с полным сознанием поставленной себе цели и последствий предпринятой им агитации»⁷.

Самое ценное в первом произведении Лунина «Письма из Сибири» — стоящий в центре образ автора, политического ссыльного, сознательно вступившего на путь общественной борьбы, которая должна была вновь поднять на щит дело декабристов и продолжить его применительно к новым обстоятельствам. Уже здесь поставлены коренные вопросы российского государственного устройства, права, крепостнического рабства, экономики, нравственности и т.д. Цель писем Лунин видел в стремлении «обозначить органические вопросы быта общественного в эпоху», когда иссякли политические оппозиции, являющиеся, как думал ссыльный декабрист, «стихией всякого политического ус-

⁷ Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 444—445.

тройства». Это определило эпоху «застоя», когда печатаемое служит только выражением «механической лести. Облако фимиама, которым окружено правительство, имеет обманчивое действие призраков фантастических» (с. 5). Начав своими письмами «действия наступательные», Лунин торопится поделиться со своими читателями «постепенно зреющей мыслью в краю нашем», мыслью, которая логически продолжала бы дело тайного общества.

В центре внимания автора писем — крепостное право и его следствие — нравственное рабство как важнейшая проблема декабристской программы. «С тех пор, как крепостные лишились своих кровных защитников, прошло 13 лет. Однако за это время ничего не сделано для их освобождения от крепостного состояния.» Так же, как и И. Муравьев, Н. Тургенев, Лунин не считает крепостничество органичным и исконным для России. Наличие рабства «гаит в себе угрозу самому существованию России, оно несет нравственную пагубу и резко противостоит распространению просвещения народа». Рабство парализует развитие общественной культуры, понижает русское законодательство, растлевает нравы. «Мы утратили нравственную силу, отличающую человека и составляющую гражданина. Мы не страшимся смерти на поле битвы, но не смеем сказать слова в Государственном совете за справедливость и человечество».

Жанр первого произведения Лунина имеет глубокую литературную традицию. Прежде всего нужно указать на Руссо и Карамзина с их акцентом на внутреннем мире героя. Лунин своеобразно использует эту традицию. Во-первых, у него несравненно большее место занимает общественно-публицистическое начало, которое органично синтезируется с мемуарно-дневниковым, лирическим пластом повествования. Соотношение личного и общественного у Лунина более органично, чем у Карамзина и Руссо. Герои «Новой Элоизы» исповедуют свои личные чувства; в тех же частях эпистолярного романа, где речь идет об общественных, хозяйственных интересах героев, не находится места для любовных чувств. Эта несовместимость двух планов у Руссо принципиальна. «Естественный человек» живет у Руссо лишь миром своих чувств, это — изолированная от общества монада. Человек Лунина живет преимущественно общественными интересами; они же для него и сугубо личные интересы. И поэтому в «Сибирских письмах» личное и общественное теснейшим образом связано.

Присмотримся к тексту. Восьмое и девятое письмо — это лирические новеллы об отношении автора к двум удивительным женщинам, которых он любил и глубоко уважал. «Я прогуливался на берегах Ангары с изгнанницей, чье имя уже в наших патриотических летописях», — пишет Лунин о М. Волконской, с самого начала связывая в прочный узел лирический и общественный план: «изгнанница», «патриотические летописи». И далее эта связь не исчезает. «Сын ее красоты Рафаэльской ревился перед нами и, срывая цветы, спешил отдавать их матери. Мы миновали часть леса, поднимаясь все выше и выше, как развернулся обширный горизонт, обложенный на западе цепью синеющих гор и прорезанный по всему протяжению рекою, которая вилась как серебряная змея под нашими ногами. Но красоты природы слабели при моей спутнице, она осуществила мысль апостола и стройной наружностью, и нравственным совершенством» (с. 9).

Здесь — все по законам лирической поэтической прозы. И после кульминации этой поэтической темы — контрапункт: разговор с крестьянкой, выход к острым социальным проблемам.

Еще более тесно связаны обе линии в девятом письме о Наталии Потоцкой, с которой Лунин встречался в Варшаве в 1820 г., когда служил в Гроденском гусарском полку. «Но у меня остались еще сокровища в прошедшем. Помню свидание в галерее замка осенью, в холодный дождливый вечер. На ней было черное платье, золотая цепь на шее и браслет на руке... Молча ходили мы по галерее, но понимали друг друга. Она была задумчива. Глубокая скорбь виделась в блеске юности и красоты... Подойдя к стрельчатому окну, смотрели мы на желтоватую Вислу... Серые облака тянулись по горизонту. Удар колокола означил час вечерни; стекла задребезжали. Сказав молитву Ave Maria, она подала мне руку и скрылась. С той минуты счастье, которое мир дает, исчезло» (с. 9).

После этого романтико-элегического пассажа — ключ, открывающий замок, смычку двух начал — личного и общественного: «Мир, которого никто отнять не может, следовал за мною на эшафот, в казематы, в ссылку... И чувство, которое увлеклось бы только ею, укрепляется и очищается, разливаясь на врагов». Любовь, высшая духовность, сливается с той свободой духа, которая позволила автору сделать свой нравственный выбор, — это философская и нравственная основа сцепления различных планов в «Письмах» Лунина. Лунин настойчиво добивается един-

ства, синтетического слога: «иногда я жажду *аккорда*, черты, оттеняющей слова...».

Важнейшей отличительной чертой писем Лунина является необычайная активность авторской позиции, позиции политического борца. Личность писателя становится фактом общественной идейно-политической и духовной жизни. Она активно функционирует, оказывая огромное воздействие на читателя. «Я был под виселицей и носил кандалы. И что же, разве я тем опозорен? Мои политические противники были вынуждены употребить силу потому, что не имели иного средства для опровержения моих мыслей об общественном улучшении» (с. 34—35). Открытая публицистичность, острая идеологическая программность отличали письма Лунина и определяли их откровенно наступательный характер. «Многие из моих писем уже читаются». Эта *нацеленность на читателя* также выделяет «Письма» Лунина среди других произведений эпистолярной литературы, приближает их к критико-публицистическому жанру, направленному на воспитание самосознания народа.

В связи с этим важнейшей проблемой в «Письмах» является проблема народа и народности. Если в 20-е гг. в эстетике декабристов народность понималась как национальность, то в ссылке, по мере сближения с простыми сибирскими людьми (Лунин в «Письмах» приводит факты такого сближения), само понятие народности демократизируется. В письме четырнадцатом Лунин пишет: «Начало народности требует пояснения. Если под оною разумеют выражение обычаев, нравов, законов всего состава общественного, то она будет изменяться с каждым периодом нашей истории» (с. 14). Укрепляется вера в нравственную силу народа и, что особенно важно было для декабриста, вера в сочувствие и даже любовь народную. Говоря о положении политических ссыльных в Сибири, Лунин видит в сочувствии народа главную моральную силу, поддерживающую их.

Большое значение имеют найденные в архиве Иркутской области материалы, свидетельствующие об общении Лунина с иркутянами. Интересны показания учителей Журавлева, Черепикова, Яблонского, Крюкова, Громицкого и др., которые читали и переписывали произведения Лунина⁸, беседовали с ним о положении крестьян в Сибири и в России. Например, учитель Журавлев переписывал и передавал другим «Взгляд на тайное

⁸Архив М.С. Лунина. — ГАИО, ф. 24, оп. 3, к. 30, л. 1—2.

общество 1816—1826 гг.». «Списки мои давал читать священнику преображенской церкви Георгию и Черепикову, у которого они уже оказались»⁹. Труды Лунина читались и обсуждались в Сибири. У него были основания верить в сочувствие народа.

«У них отняли все, — говорит Лунин о ссыльных товарищах, — звание, имущество, здоровье, отечество, свободу, но не могли отнять у них любовь народную. Она обнаруживается благоговением, которым окружают их огорченные семейства... На время могут заточить ум русских, но никогда их народное чувство». В другом письме Лунин говорит, что «неусыпный надзор правительства над членами тайного общества в пустынях Сибири свидетельствует об их политической важности, о симпатиях народа, которыми они постоянно пользуются. И о том, что конституционные понятия, оглашенные ими под угрозой смерти, усиливаются и распространяются в недрах нашей обширной державы».

Пробуждение народного сознания, его приобщение к прогрессивным идеям — главное в лунинском понимании народности творчества. Сама по себе политическая идея, по Лунину, проходит несколько этапов в своем развитии, прежде чем стать народной мыслью»¹⁰. «Сперва, — пишет Лунин, — являются как отвлеченные и гнездятся в некоторых головах и книгах. Потом становятся народной мыслью и переливаются в разговорах; наконец, делаются народным чувством» (с. 14). Лунин говорит о соучастии народа (с. 15). Это, не считая Белинского, самая полная в демократической эстетике 30—40-х гг. концепция народности литературы, отличающаяся глубоким для своего времени историзмом.

Таким образом, лунинское понимание народности прямо противоположно охранительной теории народности, авторы которой «на время могут затмить ум русских, но никогда их народное чувство». При всей остроте общественной оппозиции Лунин всегда оставался чужд идее народной революции. Главное для него — это просвещение народа, задавленного крепостническим рабством.

Произведения Лунина, созданные после «Сибирских писем», — это произведения нелегальные, не рассчитанные на цен-

⁹Архив М.С. Лунина. — ГНИО, ф. 24, оп. 3, к. 30, л. 14.

¹⁰Лунин М.С. Сочинения и письма. С. 14.

зуру, они прямо обращены к российскому общественному мнению. С наибольшей полнотой это выразилось в итоговом сочинении Лунина — его историко-философском исследовании «Общественное движение в России в нынешнее царствование. 1840 г.». Это анализ русской жизни за 15 последекабрьских лет. Здесь представлены все аспекты российской действительности, внутренней и внешней политики. Поражает всесторонняя осведомленность Лунина, который насыщает свое произведение множеством фактов, почерпнутых из русской и зарубежной прессы. По тонкому заключению ученых (С. Окунь, Н. Эйдельман), Лунин создал первую историю страны за 15 лет николаевского царствования, он — прямой предшественник Герцена, с той только разницей, что писал это как современник и очевидец, «изнутри событий, находясь в самой гуще», подвергаясь лишениям и репрессиям» (с. 230).

Пафос личности, которым восхищался Лунин в сочинениях античных авторов, в высшей мере проявился в итоговом произведении, где сполна выражена та его внутренняя свобода, которую он благословлял и которую, как это ни парадоксально, предоставило ему *изгнание*. И здесь — чувство гражданского достоинства, страстная готовность до конца бороться за истину.

Это горячее оправдание дела декабристов и грозный суд над николаевским режимом. «Если бы из глубины сибирских пустынь наши изгнанники могли возвысить голос, они были бы вправе сказать руководителям правящей партии: что сделали вы для блага народа за эти пятнадцать лет?.. Мы исповедовали культ закона, вы исповедуете *культ личности*. Вы взялись очистить Россию от заразы либеральных идей, а ввергли ее в бездну распущенности, в пороки шпионства, в мрак невежества. Вы погасили рукой палача *умы*, освещавшие общественное движение и руководившие его развитием, а что поставили вы на их место?.. голод, пьянство (разрешили изготовление из зерна водки, которая ... ввергает в разврат население, истребляемое голодом)... Корпус жандармов... шпионит за общественным мнением и частными лицами, вмешивается в семейные дела. Применение в судах пыток, чтобы вырвать признание, виселицы, ссылки... Даже казнь совершали втихомолку, под покровом ночи, без ведома жителей столицы... Общественная мысль, остановленная в своем развитии давлением грубой силы, ушла в себя... Пороки политического устройства отражаются на нра-

вах, обычаях, наклонностях и привычках. Отсутствие гласности поощряет и развивает всевозможные беспорядки» (с. 139—140).

«Воспитание нового поколения всюду пренебрегается. Молодежь не имеет цели, достаточно высокой, чтобы ей посвятить жизнь». И завершает этот высокий пафос обвинения прямым вызовом: «Мы в свою очередь вызываем на суд современников и потомства: отвечайте» (с. 145).

По силе благородного негодования это удивительное произведение Лунина можно поставить в один ряд с самыми оппозиционными стихотворениями Лермонтова («Смерть поэта»), знаменитым «Философическим письмом» П.Я. Чаадаева и гневными страницами «Былого и дум» Герцена (Н.Я. Эйдельман). Так смыкались пути Лунина с путями выдающихся деятелей русского общественного движения 30—50-х гг.

Таким образом, Лунин в значительной мере воплотил в себе ту идею внутренне свободной личности, тот образ борца за высокую гражданскую, гуманистическую истину, которые определили главный нерв эстетики декабристского романтизма 30-х гг. Это не могло не сыграть огромную общественную, нравственно-эстетическую роль в свое время и не утратило, как мы видим, значения сегодня. Героическая жизнь Лунина, особенно сибирский период, убедительно подтверждает его слова: «Если человек умирает во имя идеи, значит, эта идея бессмертна».